

Пассажир и проводник

Свое пятидесятилетие и двадцатилетие творческого союза с Александром МИНДАДЗЕ/Вадим АБДРАШИТОВ/отметил выпуском одной из самых странных картин последнего времени «Пьеса для пассажира»

Абдрашитов — из тех немногих режиссеров, чьи фильмы не теряют в зрительском восприятии от предварительного пересказа фабулы. Это первый парадокс самого стойкого тандема нашего кино: Миндадзе пишет жесткие, драматические истории с острой и нестандартной коллизией, чаще всего на материале судебной хроники, — Абдрашитов снимает мерцающее, таинственное кино, действие которого разворачивается в насквозь условном пространстве, в паузе, в складке времени. Ощущение выпадения из реальности только подчеркивается будничностью антуража и конкретностью реалий. В результате истории Миндадзе обретают притчевое звучание и размыкаются: это не пресловутый «открытый финал» — это принципиальная невозможность выстроить законченную фабулу в пространстве сна.

Фабула крута: в семьдесят девятом году фанатично честный судья осудил двадцатипятилетнего парня за преступление, пустяковое даже по тем временам. Пока он сидел свои семь лет, дочка его умерла. Самому герою отбили все внутренности, вовлекли в уголовную компанию, вышел он на волю не последним человеком в этой среде. Жена его полюбила другого — герой женился на молоденькой и вот везет ее на юг, где держит несколько магазинов, отмывающих его деньги. Проводником в поезде оказывается тот самый судья — честность его оказалась никому не нужна. Переехал он в маленький южный город и устроился проводником — таким же строгим, вежливым и отупоженным. Огромные прозрачные глаза в очках. Незузнаваемый Маковецкий.

Пассажир решает отомстить, ибо, несмотря на все преупреждения, жизнь его сломана окончательно. В новой жизни, где все ему подвластно, герою не по себе — тошно. Месть изобретена незунтская: не может пассажир забыть, как он плакал на суде. Пусть теперь судья не просто погибнет, а поплachtet, в ногах повалится. Пассажир решает устроить ему «большую постановку жизни» — провести через все собственные мытарства: развести с женой, подбросить в постель проститутку, устроить сторожем в свой магазин, а в магазине подстроить ограбление. Да такое, чтобы бывший судья сам был виноват и получил за это на всю катушку. Извилистый план, но есть завязка: что ни делает пассажир — все судье на благо. Он и прежде со всеми зигзагами своей биографии легко мирился — а уж теперь и вовсе доволен. И что самое главное — он-то пассажира в упор не помнит. Не узнает. А какая тут месть, ежели мстителю не дано насладиться паникой жертвы, ее мучительным узнаванием: так это ты?!

1/7 Это и был первоначальный замысел Миндадзе: показать, как одному во всем — отчаяние и невезение, а другому все катаклизмы на пользу. Видя всю бесполезность своих попыток, пассажир отказывается от мести. А там и сам пассажир кончат самоубийством.

Можно бы поразмыслить о том, как бесполезна любая месть своему прошлому, как ударяет она прежде всего по мстителю. Но меня в этой картине цепляет другое: ее метафизика. Ибо помимо прямого и вполне социального диагноза здесь присутствует вечная, глубинная и неразрешимая коллизия: железный очкарик на всяком новом повороте удерживается в седле, а жертва его не чувствует себя победителем. Поди пойми, кто виноват, ежели никто не виноват.

Дело, кажется мне, в том, что судья-проводник — из тех, кто любые правила принимает и начинает честно по ним играть. Живет в мире фикций, подмен — но живет в нем комфортно. Нельзя такому человеку отомстить: он мгновенно становится частью системы, не думая о страшной изнанке жизни. А пассажир (сдержанная и скупая игра Игоря Ливанова) уже эту изнанку повидал, раз и навсегда выпав из любых правил и любых орбит. Он теперь никаких условностей не принимает — везде чужой. Посторонний до потусторонности. Глаза у него страшные — как и у судьи, впрочем. У судьи — хрустально-ясный взгляд отличника, глядящего на мир то через одни, то через другие линзы. У пассажира — пустота выжженная.

Пассажир, да и зрители, живут в беззаконном мире, в схваченной реальности.

Приемов для создания этого пустого, распадающегося мира Абдрашитов знает много. И не выпячивает эти приемы, а прячет. Абсурд нарастает помаленьку. И приходит в некоторое равновесие, обретает видимость реальности, только когда ничему не удивляющийся герой Маковецкого появляется в кадре и мгновенно организует пространство вокруг себя. Он тут дома, как везде. А пассажир — нигде. Потому и пассажир. И это ролевое соотношение пассажира и проводника — очень и очень не случайно. Проводнику ведь все равно, куда идет поезд. Его дело — чай да белье разносить. А пассажиру дальше ехать некуда. И поменять их местами — задача вполне безнадежная.

Двадцать лет Абдрашитов и Миндадзе снимают и пишут про игру, правила которой внезапно исчезли, стыковки расстыковались, поезд остановился. Или, верней, когда-то — остановился. А сегодня ушли. Двадцать лет герои проваливаются из твердого, устоявшегося мира в воздушную яму. Двадцать лет зритель ходит «на Абдрашитова и Миндадзе» — чтобы потом, задним числом, вздрогнуть и понять: опять в точку.